

ВЛАДИМИР ТУБОЛЬЦЕВ

Animedia

В ДЕБРЯХ УРМАНЫ

ПОВЕСТЬ

Владимир Тубольцев

В дебрях урманы

«Animedia»

2019

Тубольцев В.

В дебрях урманы / В. Тубольцев — «Animedia», 2019

ISBN 978-80-7499-345-9

Жить и охотиться горожанину в дикой тайге, где на каждом шагу грозят опасности, очень рискованно. Бывает, даже охотники-промысловики бесследно исчезают в лесных дебрях. Закон урманы суров и жесток. И все-таки автор, взвалив на себя ответственность за благополучие семьи, отправляется в нелегкое путешествие. В тайне от жены он берёт с собой семилетнего сына, чтобы воспитать у него характер настоящего мужчины. Автор побуждает у читателя проникнуть в тайны природы, побыть с ним вместе в «глухих» уголках Сибири, мало тронутых цивилизацией.

ISBN 978-80-7499-345-9

© Тубольцев В., 2019

© Animedia, 2019

Содержание

Посвящается	6
Часть первая. Рискованный замысел	7
Глава первая. Тайный план	7
Глава вторая. Ценные советы опытного зверолова	9
Глава третья. Подготовка к отъезду	14
Глава четвертая. Самый медленный поезд в мире «Красноярск – Лена»	17
Глава пятая. Знакомство с «Маленькой Швейцарией». Лайки. Трудный разговор с Константином. Любитель Хемингуэя решает проблему. С нами знаменитая Дора	20
Глава шестая. Первый день пути. Застреваем в болоте. Наука разжечь костер. Пищухина перина. Первая ночевка в зимовье	26
Часть вторая. В дебрях урманы	30
Глава первая. «Сюрпризы» первого дня ходьки	30
Глава вторая. Жестокий закон тайги. Ночлег на черничной поляне	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Владимир Тубольцев

В дебрях урманы

© Владимир Тубольцев, 2019

© Издание, оформление. Animedia Company, 2019

Посвящается

моим друзьям-товарищам, которые вдохнули в мою душу страсть к охоте и подерживали ее: Константину Авсейкову (г. Железногорск-Илимский); Валентину Привалову, летчику-истребителю, пролетевшему на реактивном самолете под арками моста в г. Новосибирске; Сергею Поставнёву и Валентину Прудникову (г. Москва); Юрию Лоцилину (г. Семипалатинск); Леониду Ладейщикову и Юрию Пышминцеву (г. Екатеринбург); Вароди Ласло (г. Будапешт).

Часть первая. Рискованный замысел

Глава первая. Тайный план

С приближением осени, по вечерам, я начинал готовиться к предстоящей охоте. Раскладывал на столе пустые гильзы, капсюли, «барклай», порох, дробь, пыжи, устанавливал аптекарские весы и не торопясь заряжал охотничьи патроны.

Изредка ко мне подбегал сынишка, осторожно брал то пустую гильзу, то войлочный пыж, то дробинку и, рассматривая незнакомый предмет, спрашивал:

– А это что?

Я удовлетворял его любопытство. Он возвращал предмет на место и бежал в соседнюю комнату, где в это время шли мультфильмы. Придуманные события на экране телевизора притягивали его сильнее, чем мои охотничьи принадлежности. Поэтому я искренне сожалел, что нет у моего Сашульки тяги к охоте, страсти к природе.

Но больше всего меня беспокоило другое. Прежде чем лечь спать, он расхаживал на цыпочках по комнатам квартиры и проверял, закрыты ли окна и двери. Не выключая света, забирался в кроватку и прятался под одеяло.

Во сне его мучили кошмары, увиденные по телеэкрану. Он дико вскрикивал, вскакивал, сбрасывая с себя жаркое одеяло, и несколько минут сидел на кровати с закрытыми глазами, потный и незащитный. Мы успокаивали его ласковыми словами, и он снова погружался в свой хрупкий мир.

Я проклинал этот ящик, который опустошал душу моего сына, ломал ему жизнь, низвергал в мир придуманных чудовищ. Но что я мог сделать? Привязать сына за руку подальше от ненавистного мне телевизора?

С женой на эту тему мы уже не раз спорили. У нее был веский аргумент: коль передачу разрешили знающие люди, значит, смотреть можно. Никакие доводы на нее не действовали. Бесплезно было развивать тему о том, что одним «знающим» людям выгодно продать пустячные фильмы телевидению, а другие «знающие» люди не без корысти старались запустить этот низкого качества товар в эфир. И тех, и других не интересовало, как будет влиять на детские души та или иная передача. Их интересовали деньги.

Я понимал, что нужно было как-то бороться против страшных вампиров, полулюдей, которые пожирали друг друга, насиловали, калечили...

Вместо матушки-природы с ее прозрачными родниками, шумом дождя и шелестом зеленой листвы, пения птиц и шороха снежинок на голову моего сына обрушивалась липкая масса ужасов.

Я должен был что-то предпринять. Но что? В выходные дни повести его за город на природу? Пробовал. Через час-другой Сашулька вспоминал, что по телеку идет мультик и надо поскорее возвращаться домой. Пробовал выводить из строя телевизор. Но сын с женой уходили на просмотр передач к соседям. Сколько раз я задавал себе один и тот же вопрос: «Почему его детскую душу не интересовал пушистый одуванчик, птицы в поднебесье, белые горы облаков, а был по сердцу придуманный способными дядями и тетями злой фантастический мир?»...

Однажды в голову пришла рискованная мысль: «А что если взять сына на охоту куда-нибудь в глухомань на месяц-другой?» И сразу частоколом возникли вопросы против идеи: «А может ли детский организм вынести большие физические нагрузки? А что ты будешь делать, если ребенок сломает ногу или руку, или заболеет? А если нападёт медведь, рысь или волки? Где спать? Что есть? Как одеваться?»

Литературы на все эти многочисленные вопросы не было. Бывалых охотников, которые бы развеяли мои сомнения, в нашем маленьком сибирском городке я не знал. На все вопросы мне нужно было найти ответы самому.

Вначале казалось, что возникшая идея – не больше чем фантазия моего мозга. Но чем усерднее старался об этом не думать, тем настойчивее она занимала меня. Потом идея захватила меня целиком и уже не покидала ни днем, ни ночью.

Как воплотить ее в жизнь? Ведь нужно не только согласие жены – надо считаться с желаниями сына. Но разве обязательно в таком возрасте учитывать мнение ребенка? Ведь главное в другом: оставшись один на один с первозданной природой, волей-неволей он обратит на нее внимание, может быть, в душе проснется интерес, а дремлющие инстинкты потеснят пороки цивилизации, как хлеба поднимаются над сорной травой после благодатного дождя.

Нужно будет жилье. Оно имеется только у профессиональных охотников в местах добычи пушного зверя. Значит, необходимо получить разрешение официальных лиц...

Проблемы появлялись одна сложнее другой. Я понимал: мой секретный план может осуществиться, если буду действовать тонко и деликатно.

Несколько недель я обдумывал каждый шаг, поступок, разрабатывал варианты. Когда мой рискованный замысел созрел окончательно, я подверг его жесточайшему анализу. Только после этого приступил к осуществлению.

Сначала написал письмо знакомому охотнику-промысловнику, дальнему родственнику жены, который жил в городе Железногорске-Илимском Иркутской области. Зная, какие там благодатные места, просил его взять меня на охоту на глухарей, а если не затруднит – отправиться в тайгу на промысел соболя и белки.

С каким нетерпением я ждал ответа. Мысленно я уже не раз просил и умолял зверолова не отказывать в просьбе, ведь только от него зависело выполнение моего плана.

Глава вторая. Ценные советы опытного зверолова

Наконец, из голубого почтового ящика я вынул долгожданное письмо. С жадностью схватил его, бегом поднялся на четвертый этаж, где была моя квартира, и вскрыл конверт.

«Здравствуй, Володя!

Извини за некоторую фамильярность обращения, но так будет проще и легче в будущем.

По существу вопроса скажу следующее. В принципе, охота в тайге на соболя и белку возможна, но есть множество мелких “но”, которые изложу, а ты уж решай сам, будет ли тебе смысл “огород городить”.

Прежде всего, охота в тайге отличается от простой любительской тем, что вместо веселого и не очень утомительного развлечения представляет собой довольно однообразный и тяжелый труд. Этот труд, в отличие от труда на любом производстве, не только не гарантирует материального вознаграждения, но и часто имеет минусовый результат. И знаешь почему? Удача на девяносто процентов зависит от качества собаки.

К слову, в прошлом сезоне я смог компенсировать расходы на охоту, а вот в три предыдущих сезона имел весьма высокий дефицит. Не сделай из этого вывод, что я хожу в тайгу с бухгалтерскими счетами в рюкзаке. Мне кажется, что все мы немножко лицемерим, когда говорим, что нам дорог только сам процесс охоты.

Я говорю это лишь для того, чтобы ты реально представлял одну из сторон этого дела. (Признаюсь, что три-четыре соболя – твоей жене на шапку и воротник – и три-четыре десятка белок на твою шапку ты будешь иметь.) Ну, и, разумеется, сколько угодно самого “процесса”: топтать по глубокому снегу, выбираться из трудных завалов и буреломов, лопать однообразную пищу, нести тяжеленный рюкзак, потеть каждый день, неделями не мыться и т. д., и т. п. Но будет, конечно, море зеленой тайги и весь пятый океан морозного воздуха.

Второе – это вопрос времени. Хотя охота начинается у нас в первой десятидневке октября (в зависимости от снега), но уходим мы в тайгу намного раньше. Почему? Почти неделю пробираемся по тайге к своему зимовью, потом из лабаза, где хранятся продукты, начинаем таскать их на себе в свои “зимние квартиры”, пилим и колем дрова, утепляем избушки, ремонтируем печь, готовим для шкурок правилки, проводим массу других работ в зависимости от обстоятельств.

По графику у меня отпуск с 10 сентября. Если не задержат на работе, то уже 10-го – но ни в коем случае не позже середины сентября – я выйду из дома. Заканчиваем охоту обычно в первой декаде ноября. Домой возвращаемся из тайги дней шесть-семь (если снег неглубокий). Получается, что в тайге мы живем около двух месяцев. Если твой отпуск будет короче, то вернуться можно в любое время (я провожу), а уйти в тайгу можно только со мной.

Все снаряжение, патроны, продукты (себе и собакам) забрасываем трактором зимой. В этом году мы не дошли до зимовья двадцать километров, и поэтому неделя уйдет на переноску продуктов.

Если эти трудности тебя не пугают и ты окончательно решишь пойти со мной в тайгу, тогда встает еще одна важная проблема – одежда и снаряжение.

Охотимся мы с ружьем “Белка”. Это ружье удобно тем, что один ствол под патрон 28-го калибра, а другой – под малокалиберный патрон. У меня есть своя “Белка”, а другую смогу взять в зверопромхозе, куда мы сдаем пушнину. Гильз, пороха, дроби и малокалиберных патронов – сколько хочешь: все уже в тайге, спрятано в надежном месте.

Возможна встреча с медведем, поэтому до его залегания мы берем с собой для страховки по ружью 16-го или 12-го калибра. Если у тебя есть недорогое ружье (дорогое не рекомендую брать из-за невозможности хорошего ухода), то возьми. Заряди 10–15 металлических гильз пулями и около 5–7 гильз – самой крупной картечью.

Если имеется охотничий нож – бери, а если нет, то захвати ножны, а нож найдем здесь. Конечно, не помешал бы компас и бинокль с чехлом.

Особый разговор об одежде. Она может принести много хлопот и неудобств охотнику, если тот посчитает, что это мелочь. Из опыта многих лет – не только моего, но и других промысловиков – пришел к выводу, что брюки и куртка должны быть из простого шинельного сукна, а проще – из новой солдатской шинели. Брюки должны быть пошиты по фасону обычной заводской спецовки с накладными карманами спереди. Куртка должна быть без подкладки, манжет и других украшений. Куртку с успехом заменит новая (поношенная пропускает воду) солдатская шинель, обрезанная над коленом (не нужно обрезать заранее). За неимением солдатской шинели может сойти и офицерская, или ее отрез.

Дальше, нужна пара-другая однопальцевых рукавиц из такого же сукна, но про запас можно иметь и пару меховых. Желательно взять шерстяной свитер и безрукавку (ее не обязательно, но она весьма удобна в зимовье).

Теперь поговорим об обуви. В тайгу надо брать только прочные резиновые сапоги на один-два размера больше обычного, чтоб вошла хорошая суконная портянка. (До морозов мы ходим в резине, так как на участке есть болота и ручьи.) Как похолодает и ударят морозы – ичиги найдем в зимовье. Кроме двух пар суконных портянок, необходимо взять две пары шерстяных носков.

Обязательно взять две пары тонкого хлопчатобумажного белья и одну пару теплого.

На голову лучше всего приобрести плотной вязки шерстяную шапочку, типа лыжной, плюс берет или подшлемник.

Все это берется из соображений, что должно быть тепло, легко и удобно.

Для тайги больше ничего не нужно, а на дорогу до нас – по своему усмотрению.

Да, забыл сказать еще об одной детали. В пути, в зимовье не помешал бы не слишком тяжелый спальный мешок. В нем можно переспать почти в любом месте и в любую погоду. На теплое время понадобится какая-либо штормовка или накидка.

Что касается твоего приезда (как ты пишешь, для уточнения деталей), то практической необходимости в этом нет: уточнять детали будем в письмах, но если у тебя появится желание и это не связано с затруднениями по службе, то буду рад видеть тебя своим гостем. Заодно обсудим кое-какие мелочи.

Я заинтересован в конкретном ответе и как можно скорее (просится на охоту вместе со мной один знакомый), поэтому попрошу не задерживать с письмом. Отпуск проси с 5–7 сентября. Точные даты уточним телеграфом.

На этом пока все. Привет твоей супруге от меня, Нели и Люси. Будьте все здоровы и счастливы. Костя».

Рукой Нели было добавлено:

«Пусть сынок ваш приезжает. У нас как раз поспекает брусника – будем с ним ходить по ягоды».

Письмо я читал с величайшим интересом. Несколько мелких «но», о которых упоминал Константин, меня не пугали. Я понимал, что предстоит большая работа, и был уверен, что могу выдержать это испытание.

Мне, городскому жителю, увлекающемуся охотой на мелкую дичь и покидающему дом на день-другой, трудно было представить, что такое неделя ходки с тяжеленным рюкзаком, выбираться из завалов и буреломов, лопать однообразную пищу, топтать по глубокому снегу и многое другое.

Тонкости охоты в тайге, о которых сообщал опытный зверолов, звучали для меня, как песня.

Мысль о том, что план мой начинает осуществляться, приводила меня в сладостное возбуждение.

В тот же день я прочитал письмо жене и сыну. Особого интереса они к нему не проявили. Жена лишь спросила: «Долго ты будешь в тайге? Ведь ребенок может надоесть и Неле, и Люсе».

Сказать ей правду я не мог. Стараясь унять волнение, ответил, что задержусь у Константина не более недели-другой.

На следующий день я ответил Константину, что окончательно решил приехать к ним вместе с сыном.

Ответ пришел на удивление быстро. В письме сибиряк давал мне массу советов, освещал практические вопросы лучше всяких учебников. Ценность этих советов чрезвычайно велика, особенно для начинающих охотников, поэтому привожу письмо слово в слово. Возможно, мудрость опытного зверолова пригодится любителям острых ощущений.

«Володя, здравствуй!

Получил твое письмо, доволен ответом и оперативностью. Вижу, что, несмотря на все “страсти-мордасти” (а они отнюдь не преувеличены), ты морально готов на “подвиг ратный”. Тогда ближе к делу, уточним кое-какие детали.

Ружей, кроме 16-го калибра, брать не нужно: надеюсь достать “Белку” 28-го калибра у нас в зверопромхозе. Патронов более 15 штук с хорошими пулями и пяток патронов с крупной картечью достаточно на сезон. Если не будет условий зарядить, то возьми одни пули, все остальное найдем здесь.

Из снаряжения, кроме рюкзака, достань средних размеров и веса топор. В тайге без него – пропадешь. Но ни в коем случае не приобретай те, что продают туристам. Они годны только для того, чтобы рубить траву. Нужен средний плотницкий топор со слегка удлиненной (сантиметров на 10–15) ручкой.

Котелок, если есть, захвати плоский, а круглых не нужно: у меня их три.

Алюминиевую фляжку наполни “горючим”. Кстати, о его количестве. Я не большой любитель спиртного и потребляю только по принципу: “Не яко пьянство, а яко лекарство”. А так как нас будет гнать к земле каждый лишний грамм груза, то максимально ты можешь взять 2–2,5 литра “лекарства”.

Обязателен ручной фонарик (лучше круглый на три элемента) и 5–6 батареек.

Если есть возможность достать где-нибудь “напрокат” ракетницу, то не задумываясь бери. Она очень эффективно помогает выпугивать из густой кроны кедра затаившегося соболя. Ну и, конечно, 10–20 патронов к ней любого цвета (лучше красного или зеленого).

Мечта моя – добыть где-нибудь один-два метра бикфордова шнура или любое другое малогабаритное пиротехническое средство: дымовую шашку или даже использованную кинофото пленку.

Совсем не обязателен, но пригодился бы и оптический прицел. У “Белки” есть для него специальный кронштейн.

Я высылаю отрезок карты, на которой малым кругом обозначено место нашего участка, а большим – места, в пределы которых мы можем попасть в редком случае. Не очень точные карты-схемы этих мест у меня есть, но мне они почти не нужны, так как свой участок я хорошо изучил визуально. Но если у тебя будет возможность снять крупномасштабную копию участка и его окрестностей, то сделай это: на первых порах тебе будет легче ориентироваться. А для меня, при возможности, сними копию с района в радиусе 100–150 км от Железногорска-Илимского. Конечно, если она будет более подробной, чем прилагаемый мной отрезок. Отсиньковать я могу сколько угодно экземпляров. В общем, карты захвати, какие достанешь, а здесь разберемся.

На нашем участке (да и на других тоже) водятся медведи. До снега мы встречаем свежие следы почти каждый день, но “самого” удастся встретить редко. Как-то раз случайно набрел на спавшего под корягой мишку. “Белка” была за плечами. Я сделал пару шагов назад и стал срывать ее. А медведь в это время поднялся и прыгнул (слава богу!) в сторону, и скрылся в густом подлеске. Я поторопился уйти из “завала” на чистое место. Вот так и разошлись. Правда, несколько лет назад у меня была иная встреча... Ну, об этом поговорим потом.

В связи с такой обстановкой, если мы ходим вдвоем, то один берет “Белку”, а второй – ружье 12-го или 16-го калибра. Если ходим на промысел по одному, то для страховки, кроме “Белки”, берем, как говорят, кто во что горазд. Делаем, например, короткие обрезы из одноствольного ружья и носим на боку в качестве пистолета. Я, к слову, обхожусь пока одной “Белкой”: в одном стволе – малокалиберный патрон для соболя или белки, а в другом – патрон с мощной пулей.

Это все я говорю к тому, что если представится возможность или договоришься с командованием, то можешь взять для личной страховки пистолет или кусок ствола от какой-либо “гаубицы” с парой соответствующих зарядов.

Пару слов о продуктах. Взять с собой можно было бы многое в тайгу, но мы вынуждены отобрать лишь те продукты, которые сможем унести. Кстати, спальный мешок желателен, причем “полный”, т. е. с капюшоном.

Перед выходом в тайгу купим в магазине 4–5 кг сливочного масла (это весьма удобный и ходовой продукт), килограмма два сыра, по 10–15 плиток шоколада (необходимый НЗ на чрезвычайные обстоятельства) и с десяток каких-либо консервов.

В тайгу заброшено: два ящика говяжьей тушенки (в ящике 45 банок), около ящика рыбных (ставрида и что-то похожее, но все без томата: я не люблю его), ящик (30 банок) икры из баклажанов, 20–25 банок со сгущенкой, понемногу (килограмма по два) гречки и перловки, 100–120 кг вермишели (себе и псам), 70–80 кг сухарей (могут попортить мыши), около 25 кг сахара, 4–5 кг соленого сливочного масла и килограммов пять жиров для собак.

Все предыдущие годы, накануне охоты, мы забрасывали вертолетом продукты и брали еще свежий хлеб и картошку. В этом году картошка исключается, а хлеб возьмем с собой только на дорогу. Поэтому бери штук 15 банок каких-либо консервов для разнообразия (у нас с этим сложно) и банку-две растворимого кофе. Больше мы ничего не сможем унести, и придется довольствоваться тем, что у нас будет в рюкзаках и что подбросит нам богиня охоты – Диана. Изредка будет к столу рябчик. Глухарей и косачей на участке почти нет: не подходящий для них лес. Если позволит погода, в реке поймем сетью ведро хариуса. В это время он хорошо клюет на удочку. Если занимался рыбалкой, то захвати крючки (мушки) – попробуешь. У меня есть около десятка магазинных “мушек” и кусок барсучьей шкурки с шерстью. Говорят, из нее хорошие “мушки” получаются.

А теперь у меня будет просьба, но с обязательным условием: ты выполнишь ее только в том случае, если она не составит для тебя труда, иначе она сразу же снимается. Касается она суконной спецодежды. В этом году я хотел обновить ее, но не мог нигде найти шинельного сукна. В зверопромхоз сукно может поступить (если вообще поступит) тогда, когда нужно будет идти в тайгу. Сам понимаешь, что времени для раскроя и шитья уже не останется.

Так вот, если несложно, то я просил бы тебя пошить мне брюки /50-й размер, 2-й рост/, а для куртки достать только солдатскую шинель. Но если это сделать сложно или у тебя нет времени, то, ничуть не стесняясь, сообщи мне сразу же, чтобы я смог придумать что-либо здесь.

Если будешь шить куртку для себя, то можешь положить и тоненькую мягкую подкладку. Но предупреди мастера, чтобы в куртке было как можно меньше разных швов, складок и бортов, так как они потом мешают в движении и при обращении с ружьем.

Длина куртки должна быть на 12–15 см выше колен, а по плечам двойной материал (как в некоторых плащах). С боков куртки нужно сделать два накладных /или врезных/ кармана, но обязательно с клапанами, чтоб не забивался снег. На груди тоже нужен один внутренний и один наружный (с клапаном) кармашек.

Ширина брюк должна быть такой, чтобы штанины свободно покрывали голенища сапог. Это удобнее, чем заправлять их в сапоги, особенно в глубокий снег. У брюк желательно наложить двойные наколенники и чуть выше их, на манер старых кавалерийских брюк, “леи”. В снегу эти места очень быстро вытираются и начинают пропускать влагу. Под такие брюки я надевал плавки, теплые (китайские) кальсоны (фи, какая проза!), и было достаточно тепло в любую погоду. Поверх белья и простой рубашки надевал свитер – и, как говорят, хоть на Северный полюс.

Несмотря на то что ночевать вне зимовья приходится редко (хотя и это бывает в зависимости от маршрута и обстоятельств), для страховки ношу в рюкзаке запасные теплые рукавицы, теплые носки, подшлемник, безрукавку и дополнительный свитер. По секрету скажу, что ношу и теплый длинный шарф для страховки “дражайшего” радикулита – традиционную “любовь” всех рыбаков и охотников.

Почти до начала сентября я не смогу назвать точную дату выхода в тайгу. Она может быть в пределах от 10 до 15-го, но не позднее 20 сентября /это самый крайний срок/. Как только узнаю точно – дам телеграмму. Сообщи, каким максимальным временем будешь располагать ты, считая со дня приезда ко мне и до возвращения домой. Я буду выбирать наилучшее соотношение между временем подготовки к выходу в тайгу и самой охотой. Если бы позволил твой отпуск, то хотелось бы, чтобы ты приехал ко мне дня за два-три до ухода в тайгу. Но, конечно, это будет зависеть от твоего свободного времени.

Ну, мне кажется, что на сей раз я уж слишком разболтался, пора и честь знать! Если что упустил – дополню в последующих письмах. А пока эти письма пусть служат тебе своеобразным планом к действию, в котором отмечаю выполненные пункты.

Подготовку начинай сразу же, если окончательно решил приехать ко мне, иначе не успеешь собраться.

Собаке своей, которую ты хочешь взять на охоту, по возможности давай чаще бегать, и проведи изгонку аскаридов /три дня подряд, по одному разу в день за полтора-два часа до еды давай по три таблетки пиперазина. Таблетки вкладывай в котлету или фарш/ иначе собака их не возьмет/.

На проезд с животным по железной дороге заранее запасись справкой от ветеринарного врача и намордником. В случае полета – не корми, чтобы не тошнило.

Охотничий билет обязательно возьми – это даст законное право на ружье. Никаких веревок брать не нужно. Вот, пока все.

Привет семье от меня, Нелли и Люси».

К письму был приложен рисунок брюк с накладными карманами и «леями». Внизу письма добавлена шутливая фраза: «Не путать! Это не седло, а брюки /конечно, это не образец моды от Диора/. “Спина” брюк может быть выше переда, а клетчатая штриховка штанин – это их тыльная сторона».

Глава третья. Подготовка к отъезду

Детальную подготовку к охоте я начал сразу же после второго письма Константина. В тот же вечер на листе бумаги выписал все предметы, которые, по совету опытного охотника, должны были быть собраны в кратчайший срок.

Кроме того, составил список вещей для сына. Чтобы жена случайно не обнаружила его, я постоянно носил список с собой.

Побывал на армейском складе и довольно легко выпросил у кладовщика солдатскую шинель самого маленького размера. Детские резиновые сапоги я купил в магазине. Остальную одежду для сына готовила жена, ничего не подозревавшая о моем тайном плане.

Шинель для сына я слегка сузил, обрезал рукава и полы. Получилась довольно симпатичная одежда для молоденького новобранца.

Проблем не составляли следующие пункты списка: ружье, порох, патроны, капсюли, пули, бинокль, резиновые сапоги, нательное белье, лыжная шапочка и многое другое – все это у меня уже было. Сложнее оказалось достать ракетницу и десяток патронов к ней, несколько взрывпакетов и кусок бикфордова шнура.

Жена подгоняла солдатские шинели для меня и Константина, а сын, ничего не подозревая, смотрел очертеневшие телевизионные мультимики.

«Смотри, смотри, – думал я с затаенной радостью, – скоро ты надолго забудешь этот ящик. Даст бог, живая природа околдует твою душу».

Пришлось много побегать к ветеринарному врачу, прежде чем выдал необходимую справку. Моя лайка, которую я приобрел в Подкаменной Тунгуске, особых надежд не подавала, так как привыкла к городской жизни в теплой квартире. Я решил обязательно взять ее на охоту по двум причинам: во-первых, ей было всего-то около года и, может быть, у нее проснется талант среди дикой природы – и такое бывает, – и она станет хорошей соболятницей. Во-вторых, сын привязался к ней, и ему легче было бы переносить предстоящие трудности.

Долго мне пришлось искать спальный мешок. В прокатных пунктах и магазинах были узкие одноместные мешки, да и то без капюшонов. Наконец, на барахолке увидел просторный пуховый мешок оранжевого цвета с капюшоном и какими-то многочисленными кармашками. Очевидно, он предназначался для участников горных экспедиций. Мешок был легкий, прочный и, судя по внешнему виду, удобный. Без колебаний я приобрел его.

В конце августа я получил от Константина третье письмо.

«Володя, здравствуй!

Перейду сразу к делу. Отпуск у меня 45 рабочих дней. Кроме этого, буду просить 20 дней без содержания. Это на случай, если сезон охоты затянется или какая-то случайность помешает вернуться вовремя.

Независимо от погоды, нужно выйти в тайгу не позднее 16 сентября, иначе не сумеем хорошо подготовиться к сезону. Отпуск буду просить с 10 сентября. По прогнозам иркутских охотоведов, промысел на соболя и белку начнется с 5 октября.

При необходимости и в зависимости от многих других факторов, ты сможешь выйти из тайги раньше меня. Тогда я провожу тебя до безопасного места. Охотиться будем вместе до тех пор, пока ты хорошо не изучишь участок /он совсем небольшой, в среднем около ста квадратных километров/. С двух сторон участок ограничен просекой, с двух других сторон –

речкой. Охотиться один можешь только при условии твоего желания – испытать все “прелести” на своей шкуре.

Из собак у меня есть одна подходящая сука и двое ее щенков, которым уже по семь месяцев. Они, конечно, не в счет, но я должен взять их с собой, чтобы учились. Надеюсь до выхода в тайгу достать еще одну собаку, для страховки своей, или на тот случай, если твоя лайка окажется никудышной.

Твой армейский отпуск, конечно, маловат, но выйти в тайгу позже я не могу, так как тогда сорвется весь сезон. Но особенно не тужи: к концу октября у нас охота заканчивается из-за глубокого снега, и мы “тянем” до 7–10 ноября только потому, что позволяет отпуск, хоть и с весьма низкими результатами.

Для первого раза, чтоб получить удовольствие (или намучиться), времени хватит.

Плохо вот что. Чтобы добраться от моего зимовья до Железногорска-Илимского, тебе нужно будет топать по тайге около пяти-шести суток /это при самом хорошем раскладе/. Больше суток потребуется, чтобы доехать до дома на паровозе /и от твоего дома до нас столько же/. Вот и считай: почти 10 дней уходит только на дорогу.

В общем, проси у командования весь возможный максимум. Кроме этого, во избежание плохих последствий, предупреди своего начальника о возможном опоздании в силу каких-либо чрезвычайных обстоятельств. А отпуск бери с 15 сентября и, если можно, выезжай на один-два дня раньше.

Ружье “Белка” 28-го калибра обещано твердо, но органы МВД сильно усложнили процесс получения, и только это – нехватка времени на оформление – может помешать взять его. Надеюсь, однако, успеть получить ружье не позже 8–10 сентября. Если мой план в отношении ружья как-нибудь сорвется, то сразу же сообщу тебе телеграммой. Тогда ты возьмешь свою “пушку” 32-го калибра и не более 20 штук заряженных патронов /дробь в патрон засыпай четверку или пятерку/. Ружье понадобится тебе только на те дни, когда ты захочешь поохотиться один. В остальное время мы будем брать с собой мою “Белку” и твое ружье 16-го калибра.

Ракетницу желательно бы иметь, я уже писал об этом. На случай встречи с медведем она может служить отличным отпугивающим средством. Но если не найдешь, то обойдемся.

Вопрос о фруктовых консервах отпадает, так как они не возместят тех калорий, которые придется затратить на их переноску. Конечно, в тайге бы они пригодились, но мы и так вряд ли сможем унести все более необходимое.

Возьми полкило чеснока, а лук мы купим здесь. Ты спрашиваешь о соли. Соли у нас запасено столько, что хватит не только приправить пищу, но и засолить несколько шкур медведя /если он, конечно, не потребует взамен нашу/.

Забыл сказать тебе вот о какой детали: возвращаясь с охоты, в зимовье придется всю верхнюю одежду сушить, поэтому к белью захвати еще какое-либо трико или спортивный костюм для “домашнего” пользования.

Рукава куртки /шинели/ должны быть чуть длиннее обычного, тогда снег не попадает в рукавицы, иначе они сразу намокают.

Я уже писал тебе, что шинель не обрезай заранее: на месте будет виднее. А из обрезков приделаем к брюкам “леи”. Брюки шить длинными не нужно: достаточно, чтобы сантиметров на 10–12 закрывали голенища сапог.

И последнее. Если на период охоты не хочешь порывать связь с цивилизацией, то захвати какой-либо маленький транзисторный радиоприемник. Многие охотники берут его с собой ради личного комфорта и, как некоторые шутят, “знать, когда начнется война”.

Да, если найдешь, то захвати пару наружных термометров. Всегда интересно знать, “какая жара на улице”.

Если ты безболезненно выдержишь полный список того, что “надо”, тогда считай, что предварительный экзамен охотника ты сдал!

Думаю, что на сегодня хватит. Будь здоров и счастлив.
Костя”.

Глава четвертая. Самый медленный поезд в мире «Красноярск – Лена»

И вот, наконец, настал день отъезда. С двумя огромными, почти неподъемными рюкзаками жена проводила нас до железнодорожного вокзала.

Мы с сыном представляли собой довольно колоритные фигуры на перроне вокзала.

Привлекали к себе внимание не только тяжеленные рюкзаки, но и ружье в чехле, собака на поводке и наша необыкновенная одежда.

Проводник поезда «Красноярск – Лена», полная пожилая женщина, придирчиво изучала справки на собаку и все время ворчала.

– Мне этот рейс уже поперек горла стоит. То щенят возят, то котят, то поросят. Это не поезд, а конюшня какая-то, – сердито бормотала она.

Наконец, справки и билеты она проверила, сунула мне их в руку и коротко бросила:

– Залезай, горе-охотник.

Мы расцеловались с женой, она обняла сына и расплакалась.

– Мам, ты не горюй, – уверенно заговорил сын, – я тебе брусники от тети Нели привезу.

– Какой там брусники, – сквозь слезы отвечала жена, – хоть бы сам целехонький приехал.

– Ты приглядывай за ним, – посмотрела она на меня заплаканными глазами.

Знала бы она, что он не за брусникой поехал, а в глухомань!

Мы заняли места в плацкартном вагоне. Пассажиров оказалось мало, что меня обрадовало: все-таки меньше будет людей, которые плохо переносят присутствие животных.

Поезд плавно тронулся с места. За окном бежала по перрону моя жена и махала рукой сыну.

Сашулька до сих пор терпеливо переживал прощание. Ему было даже интересно увидеть все новое вокруг. Но вдруг он скис и прилип к оконному стеклу. Сын вдруг понял, что остался без мамы, без привычного телевизора, без того уютного мирка, который до сих пор его окружал. Он растерялся. Крупные слезы потекли по лицу.

Я боялся, что жена заметит состояние сына, поэтому осторожно оторвал его от окна, усадил на место и стал ласково гладить по голове. Сын тихо плакал, забившись в уголок купе, а потом заревел в три ручья.

Подходили пассажиры, интересовались, почему плачет мальчик. Мне в который раз приходилось объяснять, что едем мы к родственникам в Железногорск-Илимский немного погостить. Среди пассажиров нашлось много сочувствующих, и очень скоро мы со многими перезнакомились.

– Вот мы рыбаки, – представились сыну два здоровенных парня, – Алексей и Саша. А тебя как зовут-то? – спросил один из них.

Растирая кулачком слезы, Сашулька кое-как назвал свое имя.

– Ну вот, значит, тезки мы с тобой. Ты не плачь! Знаешь, в какие красивые места едешь?

Сын отрицательно замотал головой.

– Ты не видел наш город? – удивился здоровяк. – Это маленькая Швейцария! Представь себе горы, лес, реку. А воздух – знаешь какой?

Сашулька перестал плакать и, прикрывая ручками лицо, внимательно посмотрел на тезку одним глазком.

– Какой?

– Его можно кружками пить. Черпать и пить, – он сделал движения, будто пьет кружкой воду.

О горах, лесах и реках у моего сына были кое-какие представления, но вот чтобы воздух можно было пить кружками – такого он не знал. Рыдания прекратились. Из-под кулачков на незнакомца уставились два заплаканных детских глаза.

– Ты ж от мамки ненадолго уехал. Погостишь, познакомишься с нашими ребятами. Они покажут тебе таких собак! Волкодавов! Затаенные места покажут – ахнешь!

То ли от затаенных мест, от которых веяло какой-то таинственностью, то ли от добрых слов незнакомого дяди, но у моего Сашульки рыдания прекратились. А когда собеседник вытащил из большого рюкзака книжку с картинками и раскрыл ее, сын утер слезы. Худые плечики еще вздрагивали от внутренних рыданий, заплаканное личико выглядело жалким и сиротливым, словно везли малютку за темные леса и синие моря.

Мой пятизвездочный армянский коньяк, специально взятый на дорогу, вскоре объединил пассажиров купе еще крепче. На столе появились хлеб, мясо, соленая рыба, консервы, лук, огурцы.

К трапезе охотно присоединились знакомые здоровяков, и вскоре мы, изрядно захмелевшие, пели знаменитую песню «Бродяга Байкал переехал...».

Мои новые знакомые жили в городе, в который мы направлялись. Один из них водил тепловозы, ехал к брату в гости и поохотиться на глухарей. Все остальные работали на БАМе по вахтенному графику. Были дома, а теперь возвращались в свои бригады с рюкзаками, доверху набитыми продуктами.

– А там, где вы работаете, продуктов нет? – удивился я.

Парни заулыбались, видя мою искреннюю наивность.

– Там не то что продуктов – ничего нет. Живем в вагончике, едим то, что привезли с собой. Пару недель перекантуемся, а потом – домой за продуктами. Ну, а дома и баня...

– И баба, – добавил кто-то, и все загоготали.

– Что же держит вас там?

– Деньги, больше ничего.

Поговорив еще об охоте, рыбалке, грибах и ягодах, обменявшись адресами, мы разошлись по своим местам спать.

За окном давно наступила ночь. Изредка в непроглядной тьме возникали огоньки станций, на перроне стояли одинокие серые фигурки дежурных с тусклыми фонарями в руках.

Сын, сжавшись в комочек, мирно спал. Его незащитное личико выражало такую скорбь, что чувство жалости захватило мою душу. Тугой комок подкатил к горлу. Впервые в сердце закралось сомнение в правильности моего замысла...

После Братска наш поезд еле тащился по рельсам. Это был самый медленный поезд в мире. Минут пять-десять он двигался со скоростью велосипедиста, затем останавливался примерно на такое же время. Из вагонов выходили бамовцы в кирзовых сапогах и штормовках. Они выгружали большие рюкзаки, помогали друг другу взвалить их на плечи и уходили к вагончикам, у которых стояли тракторы, бульдозеры и самосвалы. В это время к первому вагону подходили местные жители и становились в очередь. Дверь вагона открывалась – мужчина и женщина выдавали по буханке хлеба в протянутые руки.

Вот так мы и двигались весь остальной день. Пассажиры, привыкшие к такому графику движения поезда, не роптали. Каждый занимался своим делом. Рыбаки вытаскивали сеть и чинили ее, кое-кто чистил ружья, точил на брусках охотничьи ножи, женщины вязали свитера и кофты из толстых шерстяных ниток, дети разрисовывали картинки и читали книжки. И только несколько человек, изрядно выпивших ночью, спали.

За окном медленно проплывали сопки с желтыми пятнами березовых колков и большие массивы зеленой тайги. Когда я представлял себя с сыном в этом разноцветном пространстве, мне становилось не по себе. Вот этот комочек дорогой мне жизни, который вместе со мной прилип к окну, через несколько дней окажется среди вот таких бескрайних просторов. Кто знает, как примет нас тайга.

Собака ничего не ест. Резкая перемена обстановки повлияла на нее угнетающе. Она заби-лась под стол, свернулась калачиком и прижалась к моим ногам. Изредка я чувствую дрожь в ее теле и ловлю взгляд. Она будто спрашивает меня, куда ее везут и зачем.

Глава пятая. Знакомство с «Маленькой Швейцарией». Лайки. Трудный разговор с Константином. Любитель Хемингуэя решает проблему. С нами знаменитая Дора

Предстояло главное испытание – разговор с Константином. Если он поймет меня, сумеет разобраться в моих отцовских чувствах, то замысел может осуществиться. В противном случае в тайгу придется идти без сына.

К разговору я готовился постоянно. Теперь голова была занята только этой темой. Я сам себе задавал все возможные вопросы и отвечал на них. Но каким бы гладким ни получался ответ, я все-таки понимал, что семилетнему ребенку не место в тайге. И только глубочайшая вера в положительный исход давала мне силы.

На вокзале нас встречали Костя, Неля и Люся. Они ласково обнимали сына, целовали его, расспрашивали, как доехал, не скучает ли по маме. Задавали массу разных вопросов, на которые Сашулька не успевал отвечать.

От этой теплой радушной встречи мой сын повеселел, в голубых глазах появилась искренняя радость.

Константин приехал встречать нас на мотоцикле «Урал». Прямо на перроне мы погрузили в коляску наше добро, я сел на заднее сиденье, и мы медленно поехали к дому охотника. Женщины же решили познакомить Сашульку с городом.

Швейцарию я никогда не видел. Только отдельные открытки, фотографии давали мне представление об этой красивой горной стране, покрытой густыми лесами, небольшими реками и озерами. Железнодорожники-Илимский, по словам моих знакомых в поезде, действительно походил на Швейцарию. Город расположился на берегах реки Илим. А вокруг него высились сопки, сплошь покрытые лесом. Осень раскрасила листву деревьев разными красками, и эти разноцветные массивы радовали глаз.

Целый день мы бегали за продуктами. Купили два килограмма несоленого сливочного масла, пятнадцать больших и столько же малых плиток шоколада, десять буханок черного и белого хлеба, несколько банок тушенки, баночку вишневого варенья, несколько пачек горохового и гречневого супа, две пачки индийского чая, лавровый лист, перец, три килограмма лука.

После обеда собирались пойти за брусникой, но Константин вспомнил, что на одном из предприятий, в охране, ему обещали лайку на сезон охоты.

Часа через два он привел на поводке высокого костистого кобеля темно-бурого цвета.

– Цезарь, – познакомил он меня и женскую половину дома с лайкой.

Цезарь внимательно посмотрел на нас темными глазами, приветливо махнул хвостом, загнутым кольцом, и спокойно улегся в коридоре, будто давно был знаком с квартирой и ее обитателями.

Так как времени для сбора брусники уже не оставалось, Константин решил съездить на мотоцикле на работу за второй собакой.

Валет – такую кличку имел этот пес серого цвета с большими черными пятнами. Он был значительно ниже Цезаря и уже обзавелся на зиму жирком. Увидев Цезаря и мою Искру, он вначале зарычал, но быстро остыл и стал вместе с Цезарем обнюхивать горожанку. Должно быть, ничего особенного они в ней не нашли и, разочаровавшись, оставили в покое. Валет неторопливо побродил по квартире, обнюхивая незнакомые предметы, потом лег рядом с Цеза-

рем и, свернувшись калачиком, задремал. Моя Искра, недовольная безразличием кавалеров, забралась в дальний угол коридора и легла там, не сводя глаз с незнакомцев.

– Знаешь, Володя, – заговорил Константин, глядя на собак, – все они бельчатницы. Бог даст, может, хоть одна из них на соболя пойдет, но надежды все равно мало. По соболю у меня есть только одна лайка. Она у приятеля живет за городом.

– Почему? – удивился я.

– Чтобы нюх не притупился перед охотой. И к лесу она привыкает. Хороших соболятниц в городских квартирах держать вредно: и нюх теряют, и неженками становятся.

– Когда забирать ее поедешь? – спросил я.

– Завтра. Сегодня уже намотался вдоволь. Да и этих собак надо отвезти в гараж, а то они тут такое устроят, что не до сна будет. А там просторнее и пусть привыкают друг к другу.

Вечерело. Мы отвели собак в гараж, где стоял мотоцикл Константина. Просторный гараж был гораздо удобнее для собак, чем городская двухкомнатная квартира.

В гараже оказалось немного сена. Охотник разбросал его у одной из стен, сверху постелил старое одеяло, и собаки, успокоившись, с удовольствием улеглись на нем, свернувшись калачиком.

– Через день-два на природе будете гулять, а пока потерпите, – сказал хозяин собакам на прощание и закрыл ворота на замок.

Вечером я разложил на полу все добро, которое привез в двух рюкзаках. Константин должен был оценить каждую вещь и определить ее будущее.

Он с явным удовольствием долго разглядывал брюки с накладными карманами, мямл в пальцах материал, гладил его, а потом спросил:

– Они из офицерского сукна?

– Да, был лишний отрез на шинель.

– Вещь прекрасная. Премного тебе благодарен. И сшит хорошо. Кто же это постарался? В мастерскую отдавал?

– Жена шила по твоему рисунку.

– Ну, молодчина! Вот угодила, всю жизнь мечтал иметь такие штаны на охоте! И у тебя такие же?

– И у меня.

– Если сезон окажется добрым, от меня твоей Тоне будет подарок.

Радовался он и куску бикфордова шнура, и биноклю, и двум термометрам, и солдатским шинелям, и многим другим вещам, которые по его совету я смог приобрести. Обратил он внимание и на небольшой рюкзачок, в котором, туго перевязанная, лежала крохотная шинель для сына.

– А там что? – спросил Костя.

– Там разное белье для сына, – ответил я как можно спокойнее, чувствуя, что время для серьезного разговора еще впереди.

Когда Сашулька заснул и мы четвером остались за столом в прекрасном настроении, я решил, что настал нужный момент.

Неля украсила стол щедрыми сибирскими закусками. Влажно блестели тугие темно-красные ягоды брусники, текли слюни от маринованных опят, поднимался пар от только что сваренной картошки, посыпанной зеленым укропом; аппетитно выглядели свежие огурцы и помидоры, сельдь, шпроты, сметана; от горки жареных котлет, выставленных на блюде, исходил тонкий аромат. В маленьких фарфоровых чашечках были всевозможные специи. Вдобавок ко всему Неля принесла бутылку армянского коньяка и торжественно поставила на стол. Улыбаясь, она сказала:

– Садитесь, мужики, в тайге вам такого уже не откушать.

Выпили, похвалили армянский коньяк, закусили.

Внутри у меня все похолодело от предстоящего разговора, я волновался и переживал.

– Какой-то ты стал задумчивый, – заметил мое состояние Костя, – если недоволен чем, то выкладывай. В тайгу нельзя нести не обговоренные мысли.

– Да, Володь, ты скажи, чем опечален? – поддержали Костю Нелли и Люся.

– Мой дорогой Костя, мои милые женщины, если бы вы только знали, сколько дней и ночей я думал над тем, как начать этот разговор...

– Говори прямо, не надо загадок, – обескураженный моим дипломатическим вступлением, продолжил Константин, поглядывая на жену и дочь.

– Хорошо, – согласился я, – разговор будет трудный, прошу не перебивать. Я очень хочу, чтобы вы правильно поняли меня.

Костя, Неля и Люся переглянулись, посерьезнели и приготовились слушать.

Пока я рассказывал о своем трусливом сыне, о плане воспитания, Константин все больше мрачнел, потом выпил рюмку коньяку, встал из-за стола и нервно зашагал по комнате. Женщины то прикусывали губы, то прикладывали к вспыхнувшим от волнения щекам ладони. В их глазах я читал и страх, и осуждение, и испуг.

Когда я закончил свою длинную речь, все молча глядели на меня: женщины с ужасом, Константин с какой-то хмурой хитринкой. Его темные глаза испытующе смотрели на меня.

– Ты все сказал? – наконец, произнес он.

– Все, Костя. Теперь тебе решать наши судьбы.

– Скажи, Володя, кто будет отвечать, если с тобой что случится?

– А что со мной может произойти? – как можно безобиднее спросил я.

– Как что?! – все трое выкрикнули хором.

– Стоп! – поднял руку Константин, чтобы женщины затихли. – Если ты, не приведи господь, вывихнешь или сломаешь руку или ногу, если нападет медведь, если заболеешь, если отравишься консервами, если сучок ударит в глаз, если рухнешь в яму, если разорвет ружье и тебя ранит, если по возвращении из тайги выпадет снег, да такой, что идти будет не под силу; если нападут волки и десятки других «если», которых в тайге ой как много. Так кто же будет отвечать за тебя? – повторил Константин.

– Сам за себя буду отвечать, – ответил я робко.

– Нет, Володя, за тебя в ответе буду я! И если что случится – мне голову придется класть на плаху! Твоя кандидатура обговорена с начальством. И легенда есть для тебя: ты журналист, хочешь написать ряд материалов о житье-бытье наших охотников. Но скажи: зачем мне тащить ребенка в такую глушь? Чтобы там в каком-либо завале он сломал ногу? Или, не дай бог, того хуже, – Константин остановился передо мной и язвительным тоном продолжил: – Нет, вы подумайте только! Член детского садика решил изучать фауну и флору в далекой тайге Иркутской области, правда, без сопровождения воспитательницы! Ее тут заменят два ненормальных мужика: папа и выживший из ума шестидесятилетний дед! Меня до гробовой доски местные охотники будут вспоминать с шутками и прибаутками.

– Это называется славой, – горько пошутил я.

– Нет, меня не слава ждет, а тюрьма! Ладно, за тебя отвечать, в конце концов, тебе: ты просил взять тебя на охоту, писал письма мне. Ты взрослый человек! Но ведь о ребенке до сих пор не было сказано ни слова. Вся ответственность за него ложится на мою голову!

– И на мою тоже, ведь я отец.

– Володя, пойми: тут же не воспитательная колония для малолетних! Это же глухая тайга, бездорожье! Да что мне повторяться! Ты же сам еще не хлебнул ни глотка таежной охоты, а уже малыша тянешь в пропасть!

Тут вмешались женщины. Неля спросила:

– Скажи, а Тоня твоя действительно ничего не знает?

– Я не посвящал ее в свои планы.

– Она же бросит тебя, когда узнает, какое жестокое испытание приготовил ты собственному сыну!

– Неля, мне самому нелегко, поверь! Я об этом думал многими ночами. Но у меня нет другого выхода! Разве трусливый сын не калека? Это еще хуже! Пусть он встретится с Природой, почувствует себя ее частицей. Возможно, в нем проснутся первобытные инстинкты. Жизнь в глуши перевернет его представление о ней. Я ведь не бросаю его одного, я буду постоянно рядом!

– Папу могут лишить участка, – робко вставила Люся.

– Меня вытурят в два счета! – уцепился за эту мысль Константин. – И за то, что я взял ребенка, и за невыполнение плановых поставок. Ведь если я не буду приносить шкурки соболя и белки в зверопромхоз, то участок передадут более изворотливому охотнику.

– Костя, если бы у тебя был сын, ты бы взял его на охоту? Сегодня ты говорил мне, что с детства приучал бы его к суровой жизни и постарался бы сделать из него мужественного человека.

Константин остановился, внимательно посмотрел на меня, и робкая улыбка тронула его губы.

– Ты говорил мне, что будь у тебя сын – пропадал бы с ним в тайге все свободное время, – настаивал я, нутром чувствуя какое-то изменение в настроении Константина.

– Эх, Володя, припер ты меня к стенке. Если бы у меня был сын... – он замолчал и после некоторого раздумья сказал:

– Такие вещи мне одному не решить.

– А от кого это зависит?

– От председателя зверопромхоза, конечно.

– Давай завтра отправимся к нему.

– Хорошо, – согласился Константин, – если застанем. Начинается сезон охоты, и он на месте не сидит.

На мое счастье, председатель оказался на месте. Человек плотного телосложения, с крупными чертами лица сидел за большим столом и читал какую-то книгу.

Завидев нас, он приветливо поздоровался и сказал:

– Вот настоящий охотник был! А как пишет!словно с ним сидишь в засаде на крупного зверя! Читали, небось, Хемингуэя? – обратился он ко мне.

Пока он говорил, я мысленно благодарил Бога за то, что он позволил мне встретиться с человеком, который был так же, как и я, равнодушен к творчеству великого писателя и охотника. Это придало мне уверенности, и я приободрился.

– У меня дома есть много книг, вырезок из журналов и газет о жизни и творчестве Хемингуэя, – ответил я. – Хемингуэй – мой любимый писатель, поэтому собираю о нем все, что появляется в печати.

Крупный человек более пристально посмотрел на меня, улыбнулся и спросил:

– Вы можете прислать мне вырезки и фотографии?

– Хорошо, я пришлю. Как только возвращусь с охоты, сразу же выполню вашу просьбу.

– А что это вас привело ко мне, Константин Ефимович?

– Исключительная ситуация, Петр Васильевич. Пусть сам Владимир Иванович и расскажет.

И я снова рассказал о своем трусливом сыне, подробно и красочно. Председатель грузно ходил по кабинету, изучающе смотрел на меня и время от времени потирал руки. Его лицо не было хмурым и растерянным, как у моего дальнего родственника. Оно выражало живой интерес. Когда я закончил рассказ, председатель задал несколько вопросов.

– Какую одежду вы приготовили сыну?

Я ответил, что, кроме куртки из шинельного сукна, есть еще штормовка, спортивный костюм, два свитера, «теплое» и «холодное» белье, две пары шерстяных носков, шапка и лыжная шапочка, две пары рукавиц и многое другое, что приготовила жена.

– Константин Ефимович, как у вас с продуктами на лабазе?

– Продуктов забросили много. На этот счет проблем нет.

– Лекарства вы с собой берете?

– Все самое необходимое, – ответил Константин.

– Хорошо. Я понял, что Владимир Иванович решил преподнести сыну урок мужского воспитания. Так ведь?

Я кивнул.

– Тогда, пожалуйста, напишите мне расписку. В ней укажите, что сына в тайгу берете по собственной воле в целях воспитания в нем мужественных черт характера, что вы полностью отвечаете за его жизнь и здоровье. Думаю, что только так вы снимете камень с души Константина Ефимовича.

Я подготовил расписку, председатель внимательно прочитал и написал в уголке: «С распиской ознакомлены». Поставил свою подпись, дал подписаться Константину и вложил документ в толстый рабочий журнал.

Если таким образом свалился камень с души родственника, то с моей души свалилась невероятно тяжелая глыба.

Весь оставшийся день мы посвятили окончательной подгонке одежды. Закончив с ней, разложили на полу вещи, которые должны были взять с собой, и по длинному списку, составленному опытным охотником, аккуратно вложили их в рюкзаки.

Собрали маленький рюкзачок и для Сашульки. В него вошло все самое необходимое: пара теплого белья, пара шерстяных носков, пять маленьких плиток шоколада, банка говяжьей тушенки, кусочек сливочного масла, банка сгущенного молока, кулек белых сухарей, коробок спичек в целлофановом пакете, перочинный нож и несколько рыболовных крючков с лесками.

Все продукты питания мы разделили пополам. Половина пошла в мой рюкзак, а другая половина – в рюкзак Константина.

– Это на случай, если с одним из рюкзаков случится что-нибудь непредвиденное, – пояснил Константин, – свалится в реку, сгорит в костре или растерзают хищные звери.

В кармашки распухших рюкзаков затолкали два электрических фонарика с набором батареек, ракетницу и десятка два патронов к ней, более десятка взрывпакетов, бикфордов шнур, компас, спички, медикаменты в целлофановых пакетах, запасные пули, другую мелочь – иголки, нитки, лески, крючки, блокнот, карты, перочинные ножи. Сбоку каждого рюкзака в чехле надежно привязали по топору, а сверху закрепили наши спальные мешки. Котелки и кружки прицепили сбоку рюкзаков. Поклажу взвесили на весах. Мой рюкзак потянул сорок девять килограммов, у товарища – на килограмм легче, а рюкзачок моего сына весил около трех килограммов.

Эти громадные выюки высотой почти в половину человеческого роста вызывали у меня панический страх. Ведь кроме этой громадины мне еще предстояло нести свое ружье шестнадцатого калибра, патронташ на поясе, большой охотничий нож в ножнах и фотоаппарат «Зенит», который я решил взять вместо радиоприемника.

Константин поспешил обрадовать меня: с каждым днем наша ноша будет становиться легче на полтора-два килограмма, так как мы и собаки будем съедать часть продуктов.

Сашулке он подарил настоящий охотничий нож, чему сын очень обрадовался. Из двух полосок кожи я сделал ножны и петлю, чтобы нож можно было носить на поясе.

К вечеру Константин поехал на мотоцикле за город. Часа через три он появился с каким-то мужчиной. Они привели с собой худую, как щепка, лайку. Впечатление было такое, будто

хозяин не кормил ее вовсе. По мрачному лицу Константина я понял, что он был чем-то очень недоволен.

Они заперлись на кухне и минут десять громко разговаривали. Когда незнакомец ушел, охотник объяснил, что они договаривались о цене «заботы» о собаке. Так как незнакомец чуть не уморил знаменитую соболятницу, то платить пришлось по минимуму: пол-литра спирта и два соболя после возвращения с охоты.

– Вот негодяй! – возмущался Константин. – Мало того что я каждую неделю возил ему вермишель, кости и мясо для собаки, так он еще выторговал двух соболей! Но ничего не поде-лаешь: в квартире она бы совсем обленилась, а жирок наберет, есть еще время. Боньку, щенка от нее, я запер в гараже – пусть знакомится с собаками, а вот Дору подкормить надо.

Услышав свое имя, Дора подошла к хозяину, уткнулась ему в колени и закрыла глаза. Он гладил ее по голове и ласково говорил:

– Самая умная собака у меня. Все понимает. Без нее я бы давно разорился. Идет только на соболя. Таким собакам цены нет. Это знает и негодяй, что выпросил у меня двух соболей.

Дора, обласканная хозяином, дремала. Изредка по ее спине пробегала дрожь.

– Она очень скучала по мне. Теперь буду подкармливать ее, это наша надежда. Таких собак охотники берегут пуще глаза.

Он пошел на кухню, вылил остатки борща из кастрюли в большую банку, размял в руках пару котлет, несколько картофелин, два куска ржаного хлеба, перемешал все в банке и поставил перед Дорой. Та ласково махнула хвостом и с жадностью набросилась на еду.

До сих пор я видел, как жрут собаки: языком, не торопясь, лакают они жижу, а потом принимаются за все остальное. Дора всей пастью поглощала все, что находилось в большой банке.

Видя мое удивление, Константин рассмеялся.

– Так жрут все таежные собаки. Торопятся, спешат, потому что знают: кто первый опорожнит свою посудину, может отогнать от еды более слабого. Вот и приходится во время кор-межки не отходить от них. Увидишь сам: собаки будут твоей заботой.

Поздно вечером Константин опять куда-то исчез. Вернулся он быстро и с порога радостно закричал:

– Старик, нам сильно повезло! Завтра идет попутная машина до станции Хребтовой. Если позволит дорога, машина пойдет аж до самых барачков! А это, Володя, день напряженного пути! Понимаешь, сэкономим целый день! А это, брат, в тайге очень много!

Тогда я еще не понимал, что такое день напряженного пути, и радостную весть охотника принял довольно равнодушно. До барачков, так до барачков. Мне казалось, что сэкономленный день не стоит такой радости, и только гораздо позже понял, как глубоко ошибался.

Глава шестая. Первый день пути. Застреваем в болоте. Наука разжечь костер. Пищухина перина. Первая ночевка в зимовье

На следующий день мы поднялись, когда еще не было и пяти утра. Сын так рано никогда не вставал, и Неля с Люсей одевали его полусонного. Он не сопротивлялся и не задавал никаких вопросов.

От его покорности у женщин на глазах выступили слезы, и я рад был, что они хоть не плакали и не настраивали сына на плачевный лад.

Бедняга, если бы он знал, в какую дальнюю дорогу отправляется!

Ровно в шесть подъехала машина. Не без труда погрузили мы в кузов, обтянутый брезентом, пухлые тяжеленные рюкзаки, ружья, собак и уселись на деревянные скамейки.

При прощании у Нели на глазах появились слезы. Она всхлипнула и убежала в дом.

Водитель все почему-то не трогался с места. Наконец, он вышел из кабины, подошел к борту и ласково произнес:

– Ну, малец, прощайся с папкой, пора ехать!

Константин серьезно ответил:

– Он с нами, давай жми!

Водитель странно посмотрел на нас, буркнул что-то под нос, забрался в кабину и в сердцах резко нажал на газ.

Минут через двадцать город скрылся за сопками. Со всех сторон дорогу обступил лес из сосен, берез и кедра. Гулко хлопал брезент над головой. Нас нещадно подбрасывало на ухабах. Собакам эта поездка очень не нравилась. Расставив широко лапы, они недовольно крутили головами и вопрошающе смотрели на нас. Бонька все время искал защиты у своей мамы. После каждой встряски он мячиком катился к борту, возвращался к Доре, скулил и тыкался мордочкой в ее худой живот.

Голубые глазенки Сашульки рыскали по сторонам, радостно впитывая картины незнакомого мира.

– Пап, а что это за огромное дерево? – спрашивал он, указывая на раскидистый кедр.

Неожиданно пара глухарей, шумно хлопая крыльями, взлетела метрах в двадцати от дороги.

– А это кто? – тут же задал очередной вопрос сын.

Я терпеливо отвечал ему на все вопросы. Сын внимательно слушал, в глазах его появилось какое-то восторженное удивление, чему я был очень рад.

До станции Хребтовой мы ехали часа полтора. Сделали остановку. Незнакомые нам люди погрузили в кузов два больших мятых термоса с едой для лесорубов и полный мешок выпеченного хлеба, от которого исходил аромат.

От невзрачной железнодорожной станции дорога круто устремилась на юг. Вскоре асфальт кончился, и мы покатали по грунтовке. Чем дальше отъезжали от станции, тем плотнее становилась тайга и все хуже и хуже дорога.

С трудом разминулись с «газиком». С удивлением успел рассмотреть, что в них ехали люди в белых рубашках с галстуками.

– Местное начальство охотилось на глухарей, – пояснил Константин, – места здесь привольные.

За бортом все чаще появлялись болотистые места. Дорога с каждой минутой становилась все ненадежней. Двигатель ЗИЛа натужно ревел, преодолевая очередную топь, и, наконец, колеса увязли в грязи так, что, как ни дергал водитель машину, она не двигалась ни вперед, ни назад.

– Все, загорайте, мужики, а я потопал за трактором, – спокойно сказал водитель, чему я очень удивился, и зашагал вперед, обходя залитую водой колею.

Вынужденной остановке обрадовались все. Собаки бросились в тайгу, и скоро все вокруг наполнилось их радостным визгом и лаем.

Мы с удовольствием разминаем затекшие ноги. Сашулька бегаёт по траве, собирает кедровые шишки и с азартом запускает их в стволы вековых кедров.

– Сколько придется ждать? – спросил я у Константина.

– Все зависит от того, где находится трактор. Если у бараков, то часа через два будет здесь, а если в тайге, – он почесал затылок, – то придется ждать часа три-четыре. В любом случае нам дергаться не надо: мы проедем еще километров восемь, и это здорово сэкономит наши силы.

Я не возражал – даже радовался, что машина застряла в грязи. Вынужденная остановка давала сыну возможность осмотреться. И славно было на душе. Может, оттого что выдался теплый солнечный день и у ребенка было хорошее настроение. Мы видели, как он метал охотничий нож в деревья, слышали его радостные крики, когда лезвие послушно вонзалось в толстую кору сосны или кедра.

Константин отошел метров сто от дороги, и до нас донесся его голос:

– Братва, налетай! Тут черники полным-полно!

Чернику собирал Сашулька впервые. Он набирал целую горсть темно-синих ягод и отправлял в рот.

Сладкие, слегка горьковатые ягоды были очень вкусными. Когда через полчаса мы посмотрели друг на друга, то смеялись до упаду: наши губы, щеки, языки и даже носы были выпачканы темным соком черники.

Собрали полный котелок ягод про запас и блаженно растянулись на теплой траве. По небу бежали легкие облака, верхушки огромных деревьев плавно качались из стороны в сторону, щебетали птицы. От этого покоя мы даже задремали.

Послышался рокот двигателя. Мы вскочили и увидели вдали медленно приближавшийся к нам трактор, весь облепленный грязью.

Тракторист вместе с водителем ЗИЛа засмеялись от души, увидев наши физиономии. Они быстро подцепили трос за крюк под днищем двигателя, и трактор без труда вытащил машину из топкого месива.

Заняв места в кузове, мы продолжили путь.

У бараков дорога закончилась. Спрыгнули на землю обалдевшие от радости псы. Мы осторожно выгрузили на землю рюкзаки, ружья, фотоаппарат. Тепло попрощались с водителем и трактористом, Константин налил им по полстакана спирта. Те выпили, крикнули от удовольствия, достали из карманов по кусочку хлеба, понюхали его.

– Закусим у братков кашей из термоса, – сказал тракторист, забрался в кабину вместе с водителем грузовика, и трактор, гремя гусеницами, двинулся в тайгу к лесорубам.

Осматриваемся. Прямо перед нами три одноэтажных, почерневших от непогоды деревянных здания. Вид запущенный и неопрятный. Почти во всех окнах выбиты стекла.

– В бараках давно уже никто не живет. Как лесорубам дали делянки подальше – так они и опустели, – пояснил Константин. – Изредка кто-нибудь из охотников ночует здесь.

Он неторопливо достал из рюкзака топорик.

– Пойдемте, вырубим для себя рогульки – с ними удобнее идти по бездорожью: как-никак, а третья точка опоры, – сказал он с улыбкой, и мы двинулись к густому кустарнику.

Он выбрал две прямые ветви более двух метров длиной и толщиной в два пальца и ловко срубил их. На верхнем конце палки Константин оставил разветвление в виде рогатки.

– А это для чего такая рогатка? – спросил я у него.

– Во-первых, из рук не будет выскальзывать, если топкое место попадется, во-вторых, удобно доставать стреляющую белку, если она зависнет на нижних ветках кедра, в-третьих, на привалах такой рогулькой удобно подпирать рюкзак и, в-четвертых, рука с рогулькой – хорошая дополнительная точка опоры, вы в этом скоро убедитесь.

Сашульке он сделал рогульку длиной около метра.

– А теперь давайте ножами хорошо ошкурим рогульки, – посоветовал Константин. – Без кожуры она высохнет быстрее, будет легче и удобнее.

Мы достали свои охотничьи ножи и впервые испробовали их в деле.

Константин посмотрел на часы и сказал:

– Мужики, может, перекусим, два часа уже. Начнем потихоньку уничтожать продукты, рюкзаки легче станут. Ты, Володя, разводи с сыном костер, а я поищу воду.

Вот когда сын должен был получить первый урок. Развести огонь в тайге иногда очень сложно. Хорошо, если стоит солнечная, безветренная погода, когда вокруг полно сушняка. А если дождь, снег, сырость вокруг, когда каждая веточка наполнена влагой? Как быть тогда?

– Сынок, – начал я, – чтобы развести костер в тайге в дождь, снег, в ветер, нужно всегда сначала поискать бересты.

– А что такое береста, папа?

– Это верхний слой коры березы. Вот смотри: видишь белые стволы?

– Да.

Мы подошли к большой и толстой березе.

– Видишь: на стволе разрывы коры и какие-то лохмотья висят? Это береста. Она пропитана смолой и горит, как порох, в любую погоду. Теперь давай вместе сдирать ее.

Через пять минут наши карманы были полны бересты.

– А теперь обломаем с деревьев сухие тонкие веточки. Если идет дождь или снег, лучше всего собирать их под каким-либо пнем или упавшим деревом. Там суше, чем на открытом месте.

Когда веточек в наших руках была уже хорошая охапка, мы подошли к небольшому возвышению, где и продолжили урок.

– Старайся разводить костер не в низинах, где скапливается вода и сырость, а на пригорках: там всегда суше. А теперь смотри сюда. Палочки и веточки укладывай на землю в виде шалашика.

Я нагнулся и стал укладывать первые сухие палочки шалашиком.

– Папа, дай мне попробовать, – попросил сын.

Я с удовольствием отодвинулся.

Сын кряхтел, смеялся, но терпеливо делал шалашик все больше и больше.

– Чтобы костер загорелся сразу, нужно горстку бересты поместить внутрь шалашика, – продолжал я.

Сашулька достал из своего кармана горсть бересты и осторожно стал заталкивать ее внутрь шалашика.

– А теперь определи: откуда дует ветер?

Сын повертел головой, подставляя лицо под струи воздуха, и сказал:

– Наверно, со стороны домиков?

– Да, правильно. Сегодня ветер слабый, развести огонь проще, а если он сильный, порывистый, то надо обязательно стать к нему спиной и закрыть телом шалашик. Понял?

– Да, папа, – весело ответил сын и повернулся спиной к баракам.

– Молодец. Теперь возьми в левую руку коробок спичек. Достань правой рукой две-три спички.

– А почему две-три, а не одну? – удивился сын.

– Две спички всегда надежнее одной. А в холодную, влажную погоду лучше всего брать даже три-четыре спички. Тогда пламя будет мощнее и ветру не удастся задуть его.

Я смотрел, как сын неловко достает спички из коробка, как соединяет две спички вместе, оставив коробок полуоткрытым.

– Коробок сразу закрывай, чтобы туда не проникла сырость. Теперь наклонись как можно ниже к бересте и поджигай ее.

Сашулька с детской неловкостью ткнул спички о ребро коробка, и они сломались пополам.

– Ничего, ничего! – успокоил я сына. – У всех сначала бывает так. Удар о коробок был слишком сильный. Действуй чуть-чуть нежнее.

Сашулька достал еще пару спичек и сразу плотно закрыл коробок.

– Молодец! – похвалил я его. – Теперь поднеси руки как можно ближе к бересте и подожги спички.

В маленьких ладонях сына появилось пламя, которое он тут же поднес к бересте. Она моментально вспыхнула, веточки весело затрещали, и уже через минуту настоящий костер пылал всюду.

Должно быть, рождение огня вызвало у маленького человечка какие-то сложные чувства. Он не отрываясь смотрел на костер широко открытыми, удивленными глазами. Наверное, каждый человек носит в душе особое чувство при виде разведенного им огня. Это чувство живет в нас еще с того времени, когда мы жили в пещерах и огонь был надежным другом, защищал от непогоды и врагов.

– Что, нравится разжигать костер?

– Да, папа. Очень нравится. Можно я буду разводиться его всегда?

На обед мы съели две банки говяжьей тушенки, по большому ломтю хлеба с маслом и сыром и выпили по кружке сладкого чая. Блаженно растянулись на траве.

Было тихо и жутко. Жутко оттого, что через несколько минут начнутся серьезные испытания, суровая жизнь. Больше месяца мы будем жить вдаль от людей, затерянные среди дикой природы. Я взвалил на себя большую ответственность за жизнь и здоровье сына, его безопасность.

Еще можно было отказаться от затеи и вернуться назад на той машине, которая привезла нас сюда. Стоит только сказать охотнику, что я возвращаюсь, и все станет на прежние места. Но разве можно было отступать, когда план мой начал воплощаться в жизнь? И я твердо решил: что бы со мной ни случилось, как бы мне ни было тяжело – не поддаваться искушению, а пройти этот путь до конца.

Часть вторая. В дебрях урманы

Глава первая. «Сюрпризы» первого дня ходки

По команде Константина поднимаемся с травы и подходим к рюкзакам. Они стоят, подпертые рогульками, на стволах упавших деревьев. Вот моя поклажа уже на спине. Широкие лямки врезаются в плечи и сдавливают грудь. Тяжесть пригибает к земле, и позвоночник напрягается, как струна. Вешаю на шею ружье и фотоаппарат.

Медленно трогаемся в путь. Охотник идет впереди, за ним – Сашулька, я – замыкающий.

Первые шаги даются с трудом. Ноги то и дело застревают во мху, траве и валежнике. Каждую минуту теряешь равновесие. Вот когда начинаешь понимать пользу третьей опоры. Рогулька изгибается тугим луком, вонзаясь во влажную землю, упруго вибрирует под тяжестью тела. Если бы не эта удивительная палка в руке, я давным-давно был бы уже на земле.

Ружье и фотоаппарат болтаются на шее, иногда больно ударяют в грудь. Теперь мне лучше приходится понимать, что такое каждый лишний грамм груза.

Поминутно смотрю на часы. Как медленно тянется время! Вот-вот хочется крикнуть Константину, чтобы сделал привал. Прошло уже десять минут, двенадцать, четырнадцать...

– Володя, – слышу долгожданный голос охотника, – у поваленного дерева делаем привал.

– Наконец-то, – радуюсь я.

Теперь все мое внимание сосредоточено на поваленном дереве. До него еще сто метров, пятьдесят, десять. Вот оно, дерево, поваленное бурей. Поворачиваюсь к нему спиной и опускаю на его твердь свой проклятый груз. Снимаю с шеи ружье и фотоаппарат и опускаю на землю. Освобождаю плечи от лямок и рогулькой подпираю рюкзак, чтобы не упал. Вижу, как Константин валится на траву, – и делаю то же самое.

Мокрая от пота рубашка прилипла к телу, за воротник куртки попали иголки от кедра, кусочки веточек и щекочут шею. Но никаких движений делать не хочется, одно желание – неподвижно лежать на земле и наслаждаться покоем и прохладой травы.

На отдых уходит столько же времени, сколько и на ходьбу. Поднимаемся, взваливаем на себя рюкзаки и идем дальше.

Первые километры пути – величайшее испытание моральных и физических сил. В голову начинают приходить разные мысли. Что привело меня сюда? Воспитание сына? Да. А не дурость ли это? Зачем такие испытания? Разве нельзя было найти на месте подходящие методы? Разве нужно было ехать в такую даль, чтобы ломать свой хребет?

Порой приходили в голову самые несуразные мысли. Хотелось без разговоров повернуть назад, добраться до барачков, дожидаться попутки, махнуть на все рукой и ехать отсюда без оглядки. Но мне было стыдно перед столькими людьми, которым я рассказывал о цели моей поездки, стыдно перед сыном показать свою слабость. Раз я уже прошел три-четыре перехода по пятнадцать минут, то неужели не выдержу остальной путь? Я утешал себя мыслью, что с каждым днем, после каждого завтрака, обеда и ужина, рюкзаки будут становиться легче. Огромным усилием воли я подавлял в себе слабость духа.

Затемно добрались до первого зимовья. С каким наслаждением я сбросил с плеч режущую тяжесть! Впереди – десять-двенадцать часов отдыха!

Сашулька обежал вокруг зимовья и с тревогой закричал:

– Тут все окна разбиты!

– Медведь хозяйничал, – пояснил Константин. – Видите банки в траве? Они все измятые и с дырками. Это его работа.

Обошли вокруг зимовья, сладостно расправляя уставшие плечи. Зимовье – маленький низенький домик, три на три метра, с единственным маленьким оконцем без стекол. Сорванная с петель узенькая дверь лежала в стороне. Метрах в пяти от зимовья валялись с полсотни уже заржавевших консервных банок из-под тушенки, сгущенного молока, рыбы. Каждая банка была сплюснута могучими лапами зверя, в ржавом тонком железе зияли дыры от клыков и мощных когтей.

– Вот беды-то наделал хозяину, – с огорчением произнес Константин, – тут ведь продуктов было на целый сезон.

– Что ж теперь хозяин будет делать? – спросил я.

– Трудно сказать. Если бы Гриша пришел пораньше, то он мог бы еще забросить продукты на машине, что изредка приезжает к лесорубам. А если придет поздно, то считай, что сезон пропал.

Зашли внутрь зимовья. Справа, в углу, маленькая плита, сложенная из камней. Рядом с ней – горка сухих дров. В левом углу висел шкаф с алюминиевой посудой на полках. Рядом с плитой, во всю стену, просторные голые нары. У разбитого окна стоял стол, на котором валялись осколки стекла. У стола – пара грубо сколоченных табурета. Над нарами висела пожелтевшая от старости карта СССР.

Медведь прилагал большие усилия, чтобы забраться внутрь: сорвал окно, дверь, исцарапал когтями и клыками притолоку. Но в узкие дверь и окно он не влез, а вековые бревна кедра, почти по полметра толщиной, перегрызть он не смог. Он запускал лапы в окно и дверь и загребал ими все, что попадалось. Но каким образом он наткнулся на консервы – догадаться было трудно.

– Вот такая пакость может случиться с каждым из нас, – угрюмо проговорил Константин, – за это медведей мы и не любим. А этот где-нибудь шастает поблизости. Если Гриша обозлится и у него нет в запасе продуктов, то медведя придется отстреливать: он может напасть и другим охотникам.

Нехорошее чувство шевельнулось в душе. Если мы обнаружим вот такой же разбой в зимовье Константина, то все наши планы будут разрушены. Поэтому жалости к медведю, которого могут отстрелять охотники, не было.

Константин распределил обязанности: мы с сыном будем заниматься приготовлением обеда, а сам он будет готовить постели.

Наколоть дрова и разжечь их внутри плиты казалось мне делом простым. Я вытащил из бокового кармана рюкзака топор, взял несколько поленьев, положил один конец на пенек, а другой на землю, размахнулся топором и... В тот же миг что-то тяжелое ударило меня в лоб. Помутилось в глазах, топор выпал из рук, и я без сил опустился на землю, обхватив голову руками.

Сашулька испугался и закричал:

– Дядя Костя, папка голову разбил!

Услышал озабоченный голос товарища:

– Вот беда мне с вами, городскими. Даже дров не умеете нарубить!

Он обследовал мою голову, обработал ушиб спиртом и туго забинтовал голову полотенцем.

– Ну, кто ж так рубит дрова! – сокрушался он. – Лезвие топора нужно направлять не поперек полена, а наискосок. И рубить несильно, иначе дрова будут разлетаться в стороны и

могут покалечить. Кроме того, под поленом должна быть какая-нибудь опора. Тонкие чурки можно ломать легким ударом обуха. Ясно?

Охотник взял полено, уложил на колодину и, размахнувшись, нанес удар топором. Острое лезвие наискосок вошло в древесину, на одну треть толщины полена. Перевернув его, Константин нанес еще один удар. Затем прислонил полено к колодине и легко ударил обухом топора в середину. С сухим треском полено развалилось пополам.

– Ну как, сможешь нарубить дров? – спросил он меня и улыбнулся.

И хотя мне хотелось прилечь, забыть о еде, но я нашел в себе силы и ответил:

– Спасибо за науку. Теперь справлюсь сам.

Когда в плите весело затрещали дрова и запахло дымком, в зимовье стало уютнее.

Мы с Константином выпили по рюмке коньяку за мое здоровье и начали с аппетитом уплетать горячую тушенку с гороховым пюре, пить сладкий чай с хлебом, сыром и маслом. Стало жарко, и я снял полотенце с головы.

Увидев мою шишку, Константин рассмеялся.

– Ты что?

– День прошли, и у тебя первая зарубка, однако. А нам идти еще пять дней. Скажи, Сашулька, сколько на лбу у папы будет за это время зарубок?

– Шесть, – не чувствуя подвоха, подсчитал сын.

Тут уж и я не удержался от смеха.

После ужина мы накормили собак супом из вермишели. Наевшись, они разлеглись вокруг зимовья и стали облизывать уставшие лапы.

Константин с загадочным видом спросил нас:

– Пойдете со мной за матрацами?

– А где они лежат? – спросил Сашулька.

– В дупле, – невозмутимо ответил охотник.

Тут уж и меня заинтересовал ответ.

– Что, хозяин в дупле матрацы прячет? Они ведь там сгниют от сырости.

– А нам матрацы не нужны, дядя Костя, – сказал сын, – у нас спальный мешок есть.

– Нары жесткие – к утру у вас все бока будут болеть, а тут к вашим услугам мягкая пахучая перина!

– Пошли, папа, – согласился сын.

Мы отошли от зимовья метров двадцать. Константин привел нас к огромному поваленному кедру. Должно быть, лет пять назад этого многовекового великана свалила страшная буря. Его ствол, в несколько обхватов толщиной, прогнил – образовалось большое дупло. В это дупло кто-то натолкал сухой травы. Я стал догадываться, о каких матрацах говорил опытный охотник.

– Вот вам и перина, – с улыбкой произнес Константин, указывая рукой на сено в дупле.

– Но это же гнилое дерево, – разочарованно произнес Сашулька.

– Этот поверженный великан еще долго будет служить людям, птицам и всяким зверушкам, сынок. Вот, смотри, – Константин наклонился и вытащил из дупла большой клочок сена, – оно сухое и пахучее. На этом сене спать – одно удовольствие!

– А как оно сюда попало? – удивился Сашулька.

– Это сено припасла для себя пищуха. Зверек чуть больше мышки, а сеном забивает все дупла вокруг. Пищуха делает большие запасы сена на зиму. Охотники знают о необычном зверьке и всегда делают себе постель из сухого сена.

Сено действительно испускало аромат трав. Мы принесли три охапки и аккуратно разровняли его на деревянных нарах. Сверху расстелили спальные мешки и, раздевшись, залезли внутрь. Прав был охотник: спать на сене – одно блаженство.

Сашулька прильнул ко мне и жарко зашептал:

– Папа, мне страшно. А вдруг медведь придет?

– Не придет: он собак боится. Да и внутрь он не залезет, дверь и окно очень узкие. У нас еще ружья есть и ножи.

– А где твоё ружье?

– На улице висит.

– Как же ты его возьмешь, если медведь придет?

Пришлось вылезти из спального мешка, внести ружье и поставить у изголовья.

Сашулька дотронулся до него ручонкой, успокоенный прильнул ко мне, и уже через минуту я услышал его ровное дыхание.

А мне не спалось. Жутко было от тишины. До сих пор я засыпал под звуки улицы: шум от автомобилей, гудки тепловозов, препиравшиеся голоса за стенкой – были постоянными спутниками моего сна. А тут густая тишина. Она давила на уши. Даже казалось, что уши мои вращаются, стараясь поймать хоть какой-нибудь звук. Мне стало легче, когда я услышал негромкое ворчание собак.

– Зверя почуяли, – сонно проговорил охотник, хрустя сеном, перевернулся на другой бок и сладостно засопел.

Должно быть, ветер донес до собак запах притаившегося зверя. Что это за зверь и почему он так близко бродит около зимовья? Может, выйти посмотреть? Да разве что увидишь в этой непроглядной темной ночи.

На меня подействовало полное спокойствие моего старшего товарища, сладко посапывавшего во сне, и я легко вздохнул: значит, опасности нет. Да и стоит ли бояться, если с нами два порядочных ружья и свора собак?

Я прикоснулся, как и сын, к прохладным стволам ружья и забылся чутким, тревожным сном.

Глава вторая. Жестокий закон тайги. Ночлег на черничной поляне

Утро выдалось солнечное и прекрасное. Мягко шелестела желтая листва берез. Среди золотокудых красавиц радовали глаз зеленые гущи кедров и елей. В буйстве желтых и зеленых красок, как капли крови, виднелись кое-где гроздья рябины.

В голубом небе медленно тянулись на восток тонкие перистые облака. Таежная даль была покрыта вуалью утренней дымки. Воздух, влажный и густой, пахнул хвоей, мхом и грибами.

– Бабье лето! – потягиваясь и разминая отдохнувшие мышцы, проговорил Константин. – Эх, хорошо, братцы, сейчас в тайге. Самая лучшая пора года!

– Почему? – не удержался от вопроса Сашулька.

– Потому что, сынок, летом от гнуса невозможно спрятаться, а зимой – тонешь в снегу.

– А кто это – гнус? У него большие глаза и он все видит?

Константин рассмеялся.

– Гнус – это такой маленький противный комарик, который садится на кожу и старается напиться крови. От его укусов страшно чешется кожа и покрывается ранками. Тучами они носятся над животными и сосут их кровь.

– И медведь их боится?

– Летом он, бедняга, прячется от гнуса в воде. Залезет в реку и сидит в ней – одна голова торчит.

– И ничего не кушает?

– Он за лето так худеет – одни кости торчат, а вот осенью нагуливает жиру. Ну, ладно, братцы, давайте умываться, завтракать и собираться в путь.

Мы с Сашулькой быстро разожгли плиту и приготовили чай.

За завтраком Константин сообщил нам свой план.

– Мужики, раз погода благоприятствует, грешно этим не воспользоваться. Наша задача – до вечера дойти до следующего зимовья.

– Сколько до него километров? – спросил я.

– Здесь в тайге все зимовья расположены друг от друга на расстоянии двадцати – двадцати пяти километров. Конечно, могут быть отклонения в большую или меньшую сторону, но в основном охотники придерживаются этой длины: как раз день ходки – с восьми утра и до пяти-шести вечера. И помните закон тайги: в домике ничего не воровать. Если использовал заготовленные дрова, будь добр – наруби и сложи к печке, чтобы высохли быстрее. Уходя из зимовья, наведи в нем порядок. Если есть лишние продукты – оставь что-нибудь. Нет продуктов – оставь хозяину несколько патронов. Если нет ни того, ни другого – не шкось, а то может случиться так, что и не выйдешь из тайги.

– Бывает и такое? – спросил я.

– Случается, – загадочно произнес охотник.

– Расскажешь?

– В пути расскажу.

Мы с сыном подмели зимовье, нарубили дров и сложили у плиты. Сашулька выбежал на улицу и вернулся с веткой рябины, обсыпанной спелыми рубиновыми ягодами. Мы воткнули

ее в щель между бревен, неподалеку от окна. На столе оставили банку тушенки и два патрона шестнадцатого калибра. Уходя, наглухо забили маленькое оконце и дверь.

По совету Константина я закопал у поленницы (на обратную дорогу) две банки тушенки, банку сгущенного молока и коробок спичек, завернутый в несколько слоев целлофана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.